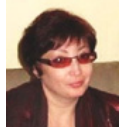

ЛИЧНОСТЬ
Рахель Гедрич >

Март '15

Женщина, для которой театр - это её жизнь Новая книга Аллы Цыбульской - театроведа, публициста, человека

Театральный критик, лектор, публицист, член Союза театральных деятелей России... Все эти титулы легко заменить одним словом: фанатичная труженица. Алла Цыбульская окончила Ленинградский институт культуры имени Н.К. Крупской (дирижёрско-хоровое отделение), Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК) и факультет театрального искусства Массачусетского университета. Работала в должности лектора-театроведа в Московской государственной филармонии. Имеет публикации на темы театра и музыки в российской прессе (журналы "Музыкальная академия", "Музыкальная жизнь", "Театр", "Театральная жизнь", газеты "Ленинградская правда", "Вечерний Ленинград", "Вечерняя Москва", "Культура"). С 1995 года живёт в Бостоне. В США её публикации - в журналах "Вестник", "Чайка", "Кругозор", газетах "Новое русское слово", "Еврейский мир", "В Новом Свете", "Русский Базар"...

"Алла Цыбульская - женщина, для которой Театр важнее, чем жизнь. Её эрудиция во всём, что касается театра, феноменальна, потому что она театром живёт. Её совместные с пианистом Борисом Фогелем концертные программы скорее напоминают спектакли, жанр которых сложно определить - здесь и поэзия, и история, и музыка сплетаются воедино. Есть уровень профессионализма, определяющий принадлежность к профессии, - это необходимый уровень, чтобы заниматься ею серьёзно. Выше этого начинается уровень уникальности, на котором каждый творящий ни на кого не похож. Я уверен, что Алла Цыбульская принадлежит к этой уникальной плеяде".

/Юрий Магаршак , Нью-Йорк/

"С Аллой Цыбульской я познакомился в 1993 году по публикациям в журнале "Вестник", который выпускали пять бывших советских диссидентов во главе с Виктором Блоком. За все годы нашего знакомства меня приятно удивляла непреходящая страсть Аллы к искусству. И в Союзе, и в Америке Алла общалась с цветом петербургской и московской творческой интеллигенции: выдающимися актёрами, музыкантами и композиторами. Обладая музыкальным и искусствоведческим образованием в СССР, публикуясь в самых серьёзных музыковедческих изданиях Советского Союза, Алла взялась за учебу в Бостоне и получила американский диплом искусствоведа. Круг её общения и знаний в Америке стал намного шире. Для меня важно, что все её рецензии на спектакли американских театров и российских гастрольных коллективов написаны сердцем и проверены "алгеброй" советского и американского образования. Сейчас у Аллы вышла книга, которая объединила её творчество разных лет, и предстала перед нами своеобразной историей искусства. Спасибо, Алла!"

/Виктор Снитковский, Бостон/

- Добрый день, Алла. Вы находитесь в Нью-Йорке в связи с выходом в свет вашей новой книги. Мы очень её ждали. Расскажите , пожалуйста, о ней.

- Моя книга "Иллюзии и истины театра" посвящена театру драматическому и оперному, актёрам и режиссерам российским и американским. Точнее, она состоит из впечатлений, оставленных спектаклями в Америке за двадцать лет моей жизни. Приехав в Бостон в 1995 году, я старалась не упускать ни единой возможности посещать привозимые из России гастроли. По профессии я театровед, театральный критик. И видя все социальные преимущества в структуре новой страны, без возможности продолжать заниматься своей профессией, я бы в Америке не нашла себе места. Откликаясь на спектакли статьями, я через какое-то время стала задумываться о том, что память об испытанных чувствах, вызванных игрой актеров или режиссурой, исчезает. Потом я обнаружила, что прекращают существование и издания: журналы, газеты, в которых публиковались мои рецензии.

А ведь русскоязычная публика в эмиграции продолжала посещать театр, любить тех уникальных актеров, с которыми рассталась. Аншлаги возникали неизменно, когда приезжали С.Юрский, М.Козаков, О. Табаков, А.Фрейдлих, И. Чурикова, Н. Караченцев, А. Михайлов, К. Райкин.... Просвещенная наша публика "шла" и на редко привозимые режиссерские спектакли - К. Гинкаса, М. Розовского, Р.Виктюка, наконец, Римаса Туминаса... Полюбился и канадский театр имени Варпаховского.

Я стала посещать спектакли двух репертуарных драматических театров Бостона. Там тоже рождались спектакли - события в искусстве. Я увидела, что языковой барьер не помеха, наша интеллигенция также посещает их с интересом. Способ получать удовольствие прост: - перед посещением спектакля необходимо прочесть пьесу. Тогда ясен и смысл, и понятны режиссерские идеи, воплощающиеся в мизансценах...

И вот произошло следующее: гастролей из России стало меньше. Внимание публики, любящей театр, обратилось к опере, чему способствовали трансляции в кинотеатры из Метрополитен-опера. Так публика узнала и полюбила оперных "звезд" - российских и западных. И я поняла, что мои отклики как рецензента становятся частью истории общей, проживаемой вместе с теми, с кем я совпала по времени жизни в эмиграции. И эту часть истории нужно сохранить. Так в издательстве "Либерти" появилась книга "Иллюзии и истины театра".

- Как проходят ваши встречи с читателями? Какие вопросы вам задают чаще всего?

- Встреч было всего две. В книжном магазине на Манхэттене: там были хорошие вопросы, проявившие заинтересованность читателей проблемами театрального искусства, и в Бруклине, где особого отклика я не почувствовала.

Спрашивали меня о том, чего я касалась: об отличии русской школы переживания от западной школы представления, о системе тренинга для актеров

Станиславского, о судьбе Михаила Чехова в Америке, о значимости ленинградского Большого Драматического Театра в пору, когда им руководил Г.А.Товстоногов... Мне было интересно говорить об этом.

Встречу в Бостоне, назначенную на 22 - ое февраля, пришлось перенести на 15-ое

марта из-за невероятных снегопадов, сугробов, сбоев в движении транспорта...

- Вы не упомянули о том, что предоставили нью-йоркской публике возможность услышать вас в литературно-музыкальной программе "Романтическая Драма: От Шиллера к Гюго и Ростану", подготовленной вами в соавторстве с известным пианистом Борисом Фогелем. А также стали участником телевизионной программы: "Персона Грата" на канале "НТВ - Америка" и гостем Майи Прицкер в её авторской телепрограмме на RTN.

- Просто не пришлось ещё к слову. Мою профессию составляют два аспекта: театрально-рецензентский и театрально - лекторийный. Слово "лектор" сейчас пугает. Мои концертные программы строятся так, что просветительская часть припрятана под эмоциональной сюжетной подачей.

- Вы родились в Ленинграде. Какие чувства вы испытываете к городу на Неве?

- Город на Неве - моя родина. Мне повезло родиться в одном из самых красивых городов мира. Это утверждают те, кто много где побывал, и может сравнивать. Я путешествовала не так уж много. Я росла и училась в городе, который и сам по себе формирует людей, а к тому же в нем на своём жизненном пути я повстречала интеллигентных высоко образованных, незаурядных людей, общение с которыми обогащало. У меня были великолепные учителя. А на занятия я шла, восхищаясь общим величием архитектурных ансамблей, созданных выдающимися зодчими, симметрией улиц и площадей.

Тем страшнее на фоне такой красоты было читать сохраняемую вывеску на Невском у арки Главного штаба: -"Эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна". Всю блокаду пережила моя мама. Отголоски пережитого ею и чудом выжившими ленинградцами были моей атмосферой. В Ленинграде - ныне вновь Петербурге - прошли мое детство и юность.

И когда я дважды приезжала в отечество из Америки, и мои друзья встречали меня, то прежде всего они везли меня по городу, на Неву, по набережным, к дворцам и мостам, по которым я шла пешком бесчисленное количество раз, к Летнему саду, куда меня водили гулять ребенком, и я вновь цепенела от божественного облика статуй... Какие чувства? Всё сплелось от вида великолепия и нахлынувших воспоминаний... Любовь...

Наплывают строки Мандельштама: " Я вернулся в мой город, знакомый до слез"... Но есть в Ленинграде-Петербурге и непарадная часть города, хорошо знакомые мне Разъезжая и Коломенская, Боровая и Свечной переулок... Это скорее Петербург Достоевского. И он проникает в сердце по-другому, и тоже сильно. Памятник Петру Бартоломео Расстрелли перед Михайловским замком я предпочитаю более знаменитому памятнику Петру Фальконе. Тут вспоминаются строки Ахматовой: " И сколько очертаний городов из глаз моих могли бы вызвать слезы, а я один лишь город знаю" ...

- Чем вы занимались в Москве? Были ли на вашем творческом пути какие-либо трудности, связанные с вашим мировоззрением либо национальной

принадлежностью?

- В Москве всё моё образование музыкальное - дирижёрско-хоровое отделение института культуры имени Крупской и театроведческий факультет ленинградского института театра, музыки и кинематографии, наконец, получило полноценную реализацию. Если в Ленинграде я работала в редакциях, где печаталась внештатно, а получив тарификацию лектора Ленинградской государственной филармонии, выступала в концертах не чаще пяти раз в месяц, и мне приходилось тянуть лямку учительницы музыки в школе, чтобы получать самую скромную зарплату, то в Москве я мобилизовалась предельно, и прошла испытание художественным советом в московской государственной филармонии, чтобы быть принятой на работу в это высокое учреждение искусства. Я проработала там 15 лет - с 1980 года по 1995-ый, до моего отъезда в Америку. И эти годы были самыми полноценными и самыми счастливыми в моей профессиональной биографии.

Я любила свою работу, и думаю, была там на своем месте. А о трудностях скажу: они были - не то слово. Попробую пояснить. Сначала о трудностях профессии. Я поступала в институт театра, музыки и кинематографии в 1968 году. Только что в центральных газетах были опубликованы статьи, шельмовавшие Солженицына. Между тем, реабилитированного Солженицына включил в курс советской литературы мой преподаватель в институте культуры, и я с волнением сдавала экзамен, говоря и о рассказах "Матренин двор", и "Случай на станции Кречетовка", это помимо самой повести "Один день Ивана Денисовича". Солженицын попал под разгром после того, что поначалу он был дозволен.

И вот - снова гонения. Я поступаю в Театральный и сдаю экзамен по литературе за десятилетку, словно у меня нет диплома об окончании другого высшего учебного заведения. Отвечаю по билету всё, что должна. И вдруг педагог говорит:

- Я вижу, вы всё это знаете. А скажите, кого вы любите из современных писателей?

И я думаю: если назову, как он это воспримет? Ведь если он не совпадает с официозом, я пропала... И я решаюсь: пан или пропал. Говорю: люблю Булгакова и Солженицына. Лицо моего экзаменатора светлеет, и он просит меня осмысления ситуации в рассказе "Случай на станции Кречетовка". И я, забыв о своих опасениях, говорю об ужасе вбитой в сознание масс шпиономании, о гибели невинного человека, о том, что на его примере было очевидно, сколько людей загубили... Говорить вслух о том, чего люди продолжали бояться, я смела и тогда, в юности, и потом, и кажется, уже теперь навсегда.

Но вы спрашиваете меня о трудностях, связанных с пятым пунктом... У меня был не только этот "изъян". Я никогда не была в комсомоле. Представляете, каково было поступать в институт? Это же было совершенно недопустимо! Но я умудрилась и в партию не вступить. Устроиться на работу человеку с гуманитарной профессией, то есть, работнику идеологического фронта, будучи беспартийной еврейкой, практически было невозможно. И я работала по своей первой скромной профессии учительницы музыки, и понемногу печаталась. Но спустя время все-же нашла свою нишу, получив тарификацию лектора. Таким образом, я переходила в категорию исполнителей, какими были

музыканты, чтецы, певцы и т.д. А на них драконовские анкетные правила не распространялись. Иначе кто бы играл в оркестрах?..

Но откровенно, я не люблю говорить на эту тему. Ведь были люди без особых данных и заслуг, которые прикрывались жалобами на то, что им не дают ходу. Стремясь к справедливости, скажу, что при советской власти, несмотря на препоны, талантливые люди все-таки пробивались.

- Ваше отношение к советской власти? Повлияли ли ваши родители на ваше мироощущение и если да, то как?

- Вот тут и возникает ваш вопрос о моем отношении к ней. Кажется, кое-что уже понятно из моего упоминания о том, что я в комсомоле не была, в партию не вступала. Я училась в старших классах, когда шел процесс над Пастернаком. И впервые услышала: "Я книгу не читал, но скажу..." И я увидела тупых долдонов, бубнящих по бумажке, их злую брань. Тогда я не могла еще читать "Доктора Живаго", но я видела глумление над его автором. И в этом участвовали представители власти. Много раз потом я была свидетелем поношений, осуждений и уничтожений, вершимых как неправый суд.

Другим потрясением был процесс в Ленинграде над поэтом Иосифом Бродским. И хотя защищал его выдающийся филолог Ефим Григорьевич Эткинд, а запись этого уродливого процесса вела отважная Фрида Вигдорова, отвратить страшную участь поэта, им не удалось. Как я могла относиться к этой удушающей власти? И, конечно, мои родители воспринимали это также, они рано мне объяснили, что и как, предупредив, что говорить на эту тему нельзя ни с кем. Кстати, великий режиссер Г.А. Товстоногов никогда не подписывал ни одно воззвание партии и правительства с требованием осудить кого-либо, будь это Солженицын, или Ростропович и Вишневецкая, или Синявский и Даниэль.

Советскую власть я не принимала. Но глядя на неё из сегодня, скажу, что у неё были свои серьезные достижения. С беспризорными детьми вопрос был решен. Детские дома - это трудное детство, но ужаса с бездомными детьми, как это происходит сейчас в России, не было. И бездомных голодающих и холодающих домашних животных в таких катастрофических количествах, как сейчас, тоже не было. Этапы перехода к капитализму в России вызвали трагические ситуации.

- Когда вы эмигрировали в Америку и почему?

- Это совсем личный вопрос. Я не эмигрировала. У меня на такое действие не хватило бы физических сил. И я всегда понимала, что отъезд вынудит меня расстаться с профессией. Ни в Америке, ни в Израиле на работу, ради получения которой я положила свою жизнь, я рассчитывать не могла. И я жила в Москве, обуреваемая ужасом от всего происходящего, и разделяла участь многих порядочных людей, которые по разным причинам не эмигрировали. На моих плечах была больная пожилая мама и подобранный в беде пёсик. Полагаться ни здесь, ни там было не на кого. Куда было с ними отправляться в путь? Истины реальности были суровы. Иллюзий тоже не оставалось.

Ещё один пример трудностей. В Ленинграде я печаталась в газете "Ленинградская правда". Шаг за шагом моим публикациям давали больше места. В отделе искусства работали три интеллигентные достойные женщины, понимавшие правила официоза. Писала я об оперном театре, казалось бы, далеко от необходимости укладывать материалы о нём в прокрустово ложе идеологии. Но однажды выяснилось, что и тут требовались подчинения.

Мне была заказана рецензия на постановку оперы Верди "Дон-Карлос". Её ставил по приглашению главного режиссера Кировского театра Романа Тихомирова режиссер Туманов. Мне давали "подвал". Я ликовала от возможности высказаться сполна. Но я всегда просила давать мне вычитывать гранки, боясь ошибок. И меня вызвали в редакцию с этой целью. Свою статью я не узнала. Спокойный доброжелательный разбор был превращен в побоище. Почему такая правка с искажением смысла? Мне объяснили, что так хочет редакция. Почему она так хочет?

Медленно я стала доискиваться причин истинных. Выяснилось, что обком решил снимать Тихомирова с должности главного. И поводом была постановка этого произведения - как факт неправильной репертуарной политики. Мотивировка объяснения шла дальше и была абсурдной: зачем ставить эту оперу Верди, если она уже имеется в репертуаре Малого театра оперы и балета. Теперь поясню: - исторически сложилось, что в Ленинграде-Петербурге - два театра оперы и балета - Кировский (Мариинский) и Малый театр оперы и балета неоднократно переименованный), ныне Михайловский - имеют один и тот же репертуар, но поставленный и решенный по-разному. Другая аналогия: в Москве Большой театр и музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. В каждом, к примеру, свое "Лебединое озеро".

Обвинение было абсурдным. И дать себя и свое имя быть использованными для оправдания действий обкома я не согласилась. Я просто сняла статью из номера. "Вы в своем праве", - ледяным тоном ответила мне редактор. Этим поступком я закрывала себе перспективу выхода на профессиональную работу. Теряла возможность быть принятой в редакцию. Лишала себя ожидаемой характеристики от газеты для вступления во ВТО (Всероссийское театральное общество). Но не совершила поступка во имя своего успеха, которого бы стыдилась. Тихомирова, увы, всё равно сняли. Но я в этом действии властей участия не принимала. И впоследствии при любой ситуации выбора никогда не подписывала того, что считала недостойным. Никакой карьеры я не сделала. Но занималась любимым делом и сосредоточивалась на его сущности.

Когда я стала лектором Московской государственной филармонии, в этом плане мне стало легче. Устно я могла рассказывать об участии закрытого Сталиным МХАТА - второго, о ликвидированном им Камерном театре... О насаждении метода социалистического реализма. О фактическом уничтожении искусства... Устные лекции не цензурировались.

В начале 90-х я рассказывала со сцены о Вахтанговском театре, о том, какой бурной была реакция зала на премьеру "Принцессы Турандот" в голодной Москве начала 20-х годов 20-го века. И внезапно ощутила холодок из зала как отклик на мои слова. А какой как не голодной была Москва снова?

Теперь вернусь к вашему вопросу об эмиграции. Не из-за наступивших лишений я растерялась. Меня повергал в ужас, напоминая о Германии 30-х годов, поднявший голову антисемитизм. На улицы вышли неонацисты. На стеклянной двери ближайшего гастронома я читала воззвания: "Соотечественники, доколе мы будем терпеть инородцев? Пусть убираются в Израиль и в Америку!"

Я, возвращённая на русской литературе, оказывалась чужой, изгоняемой. У меня начинался нервный срыв. Я работала, ездила на гастроли, продолжала быть востребованной, но внутри поселилась боль. Именно в это время меня разыскал школьный товарищ, давно эмигрировавший в Америку, когда-то влюбленный, и не получивший взаимности тогда. Он пригласил меня в гости, показал, как пройденные годы пошли ему на пользу, окружил преданным вниманием и убедил выйти за него замуж. К этому времени и он, и я были в разводе. Так я приехала в Америку, став женой гражданина Америки, и смело уже взяв с собой маму и собаку. Не ведала я, какие непредвиденные трудности и испытания ждут меня впереди. В итоге справиться с ними мне пришлось самостоятельно...

- Живя в Бостоне, вы продолжаете писать о театре и выступаете с поэтическими спектаклями. Сложно ли было остаться верной себе, своему призванию? Как вам это удалось?

- Да, очень сложно. Не то слово. Обстоятельства требовали во имя выживания полностью отказаться от всего, что было содержанием моей жизни. Но когда мы очень чего-то хотим, считаем главной ценностью своего существования, то ради этого мы идем на то, что от много отказываемся. Это свобода выбора. Люди моей профессии как правило эмигрируют, если получают приглашения на работу в университеты, в театральные школы. У меня не было ни приглашения, ни английского. Уча бытовые фразы, я волновалась о том, как сказать на английском "трагический герой с трагической виной". И я стала учить язык, видя в познании его путь к спасению.

3 марта 2015 года, с волнением внимая речи Нетаньяху по другому поводу, я услышала замечательную фразу: "Самый трудный путь - это тот путь, по которому никто не шёл." И я поняла, что этот путь я проделала, несмотря на камни, что летели в мой огород. Камни бросали в меня не незнакомые американцы, а соотечественники. Им не нравилось, что я живу, не подчиняясь общим правилам.

Я не пошла на любую поденную работу, я не примкнула к какой-либо компании. Причина? Я не могла допустить даже мысли о том, чтобы маму отдать в nursing home (дом инвалидов - РЕД.). Мою маму, меня воспитавшую, в меня вдохнувшую любовь к искусству и литературе, отдать на чужие руки в стране, языка которой она не знает? Я ухаживала за мамой, надламывала спину, поднимая и переворачивая её, никогда не оставляла её даже на день, не ездила отдыхать и путешествовать, и была счастлива, что могу о ней заботиться, сопровождать к врачам и вникать во все, что может помочь продлить ее жизнь. Это рассматривалось как моя работа, и я получала \$ 300 в месяц. Может нравиться такая жизнь?! А находились те, кто мне завидовал. Соседка, встречая меня на прогулке с собакой, отмечала: "Гуляем!" И я отвечала: "Гуляем!". Бог

мой, какая суровая необходимость была в этих прогулках...

Но по вечерам, когда все было сделано, я уходила на занятия. И к ним готовилась. И день за днем, год за годом, преодолевала трудности постижения языка в уже не юном возрасте, сначала это был колледж, потом Университет Массачусетса. Его я закончила, получив диплом бакалавра театрального искусства. Как сказать и написать "трагический герой с трагической виной" по-английски я уже знаю. Увы, никому не дано прожить две жизни. Образование, полученное в Америке, помогает мне заниматься литературным трудом, но теперь, когда бы я уже могла работать, я заболела. И знания могу использовать в литературной и концертной работе, но не занимая позицию служебную.

Трудно или легко оставаться верной себе? Не знаю. Ведь всё, что происходило со мной в Америке, продолжало предшествовавшее, происходившее в России. Выбирая свою профессию, я знала, что финансового благополучия не обрету. Я просто любила то, к чему стремилась, и остальное было для меня не так важно. А когда я поняла, что к тому же могу выразить устно и письменно мои мысли и чувства о театре, я почувствовала себя на своём месте. И растоптать эти искры в себе я уже не позволила никому.

Вот ответ: было легко или трудно. Судите сами. Я посылала свои рецензии в разные издания, и их печатали. Организовать концерты было трудно. Да и сейчас нелегко. В филармонии концерты формировали администраторы. И меня просто направляли туда, где они проходили. В Бостоне я должна всё осуществить сама. Правда, теперь уже меня знают, я как бы снова получила знак качества, но русскоязычной публики немного. И с большими полноценными программами, увы, я выступаю немного. А они могли бы звучать и звучать. Перечислю: "Дама с камелиями на драматической и оперной сцене", "Героини Володина крупным планом", "Шопен. Судьба. Письма".

Последующие наименования были подготовлены с пианистом Борисом Фогелем. Это "Пастернак и музыка", "Ахматова и музыка", "Пушкин и музыка", "Три трагические актрисы" (новеллы о Марии Ермоловой, Алисе Коонен, Алле Тарасовой), "Карточная игра в русском театральном искусстве" ("Пиковая дама", "Маскарад", "Свадьба Кречинского"), "Отпусти народ мой" (Посвящение трагедии Холокост), "Объяснение в любви" (композиция из литературных и музыкальных произведений), "Влюбленный Шекспир", "Романтическая Драма: От Шиллера к Гюго и Ростану". Последнюю программу Вы слушали в Нью-Йорке.

- Ваши поэтические спектакли созданы в творческом тандеме с пианистом Борисом Фогелем. Что Борис привнёс в эти задуманные и созданные вами программы?

- На вопрос об участии и значении Бориса в моих программах отвечаю с радостью. Мне его судьба послала, не иначе. Без музыки не как иллюстрации, а как "сквозного" действия я не представляю свои концертные программы. Борис имеет большой опыт концертмейстера, он работал в Москонцерте. Но встретились мы в Бостоне. Он - тонкий музыкант, у него чудесная нюансировка. И никогда нет эстрадного эффектного броского посыла. Обычно я читаю ему сценарий, и он думает вместе со мной. От него исходят прекрасные предложения, музыки он знает и помнит бездну.

И его предложения всегда удачны. Бывают и у меня идеи, он всегда готов разыскивать ноты, что я прошу, и мы радуемся, когда получается эмоционально. Наша общая задача - театральная приподнятость и драматизм в концертах. К тому же, Борис хорошо поёт. В Москве в лекциях - концертах участвовало много исполнителей, в Бостоне в наших концертах исполнение на наших плечах.

- Алла, в начале 90-х вы побывали в Израиле. Расскажите, пожалуйста, о своих впечатлениях.

- Вы возвращаете меня к необычайно яркому событию в моей жизни. В 1989 году, когда уже вовсю шёл поток эмигрантов из России в Израиль, я побывала в этой стране по приглашению нашедшего меня дяди. Он уехал в Палестину из Ленинграда в начале 20-х годов, и вновь приехал на родину во время горбачёвской перестройки. Так вот произошла знаменательная и волнующая встреча. Я знала о нём под великим секретом семьи. И этот мифический дядя вдруг, во плоти и в яви, с двумя сыновьями приезжает и ищет из семьи тех, кто жив. И находит меня в Москве. И радуется моему сходству с отцом.

Так я получила приглашение в Израиль. Оно прибыло с гастролями Тель-Авивского Камерного театра. Дело в том, что один сын моего дяди - талантливый художник, и он оформлял именно тот спектакль, который привезли на гастроли в Москву. Он по-русски не говорит, но с ним возникла общность сразу. А другой мой кузен унаследовал профессию дяди - он геодезист. Так, что я жила в Тель-Авиве в чудесной семье и была окружена потрясающим вниманием и сердечностью. Что меня потрясло тогда, это молодой еврейский народ - мужественные атлеты без комплексов европейских евреев. Они живут в своей стране, и им не приходится думать о том, как к ним отнесутся в связи с тем, что они - евреи. Мне бы очень хотелось жить с таким чувством в Израиле с одной оговоркой: если бы я там родилась.

Для эмиграции у меня была не та профессия. Я опоздала. Но с семьей дяди (увы, он умер), у меня сохраняются самые добрые отношения, мы переписываемся, два раза виделись, когда они приезжали в Америку. Моя мечта - туда поехать вновь. Из городов мне близок Тель-Авив: светский город, с театрами, музеями... И чудесными пляжами! В Иерусалиме я провела два дня, конечно, осталась под впечатлением его величия... Потрясли меня библейские места: Вид с горы Синай, Гефсиманский сад, река Кедрон... Увидеть воочию и поверить, что это не сон?! Что все это существует, а не явление литературы... А вечером наивно спросить кузена: "Твоя дочь пойдет в армию? Как это девушке?" И услышать ответ: " Да, пойдет! Она что, слабая?" Вот такой наш народ в Израиле!

- Какие качества личности вы могли бы отнести к понятию "еврейская душа"?

- Это очень дорогое для меня понятие. Хорошая душа есть у всех народов. Еврейская душа - это хорошая душа с нежным, знакомым с детства этническим оттенком. Я не знаю идиш, но есть слова, что звучат для меня музыкой. Я их слышала от бабушки - маминой мамы.

Еврейская душа - это добрая душа. Все мои родные - мама, мамины сёстры, их мужья,

бабушка воплощали для меня это понятие. Последний человек с еврейской душой, которого я видела, это был персонаж спектакля театра Гешер "Дело Дрейфуса"- Залман. Таким, каким его сыграл Владимир Портнов. Он напомнил мне моих умерших родных. В спектакле он погибал от рук немцев.

Из реальной жизни люди с еврейской душой, как мне кажется, исчезли. Видимо, её иссушил исторический опыт. Произошло массовое ожесточение. Сужу, исходя из впечатлений в эмиграции. Никто никому особо не сочувствует. Но каждый хочет, чтобы другой похлебал бы не меньше, чем ему досталось. А ведь, казалось бы, естественно хотеть, чтобы следующий не намучился бы столько же. Так нет: пусть и он! К еврейской душе такая позиция отношения не имеет.

- Ваше отношение к современной еврейской культуре, в частности, к национальным поэзии и театру?

- Сложно ответить. Я не знаю современную еврейскую культуру, тем более - поэзию, и даже театр. Кроме театра "Гешер", который я люблю. И театра "Габима", в котором смотрела в Тель-Авиве пьесу Миллера "Смерть коммивояжера", а в Москве в постановке Любимова показанный на гастролях "Закат" Бабея. А из литературы я знаю и наслаждаюсь чтением произведений Меира Шалева. Осталась под большим впечатлением от его "Русского романа" и от повести "Дело было так".

- Планируете ли вы вновь посетить Нью-Йорк со своими музыкально-поэтическими спектаклями?

- Вопрос о выступлении в Нью-Йорке зависит не от меня. Я каждой возможности выступить счастлива. У меня московская тарификация артиста. По диплому Университета Массачусетса я - актриса, бакалавр театрального искусства. Но без посредника, кто бы организовывал концерты, я сама не знаю, к кому обращаться. У меня есть DVD моих программ. Это то, что я могу предъявить.

- Алла, какой вопрос Вы хотели бы задать самой себе? И чего желаете самой себе?

- Вопрос себе? Пожалуй, жалею ли я о том, какой прошла путь? Нет. Жалею ли я о том, что перенесла испытания, которых не должно было быть? Да.

Что желаю себе? Я люблю совпадения. Судьба иногда расставляет знаки. Приведу два случая из моей жизни. Перед отъездом из Москвы в Америку я по телевидению смотрела фильм Висконти о короле баварском - Людвиге - мечтателе, романтике, любителе лунного света и лебедей. Кстати, не навеяли ли образы лебедей из озера этого странного короля идею балета "Лебединое озеро" Петру Ильичу Чайковскому? Они были современники... Сюжет фильма трагичен: король, признанный душевнобольным, вырвался из рук санитаров и бросился в озеро, где тонул...

Впечатление от этого фильма продолжало подспудно жить во мне уже по приезде в Америку, когда сюжет собственной жизни грозил полным обрушением существования.

Парадокс: я думала о злополучном Людвиге. И вот, прогуливаясь вечером с моей собакой, у двери какого-то магазина я увидела стопку книг. Книги меня всегда притягивали. Я наугад приоткрыла одну из книг, и, о чудо, это была история короля баварского Людвиг! Мне словно был послан знак. Тот, о ком я думала, появился передо мной!

Другой случай тоже связан с перекличками. Перед отъездом в Москве ко мне пришёл человек купить книги. Крайне тяжелый момент в жизни уезжающих. Все любимое с собой не увезешь. Пришедший был книголюбом. Он спросил у меня: "Вы читали "Жизнь и смерть Артемио Круза" Карлоса Фуэнтоса? Я не читала. Но через два года, проходя курс мировой литературы в колледже, в списке я нашла название этого романа и прочла его уже по-английски. Фантастической силы произведение! Поток сознания! Трагизм уходящей жизни! В этих совпадениях была очевидная драматургия!

Я рассказала об этих двух случаях, когда ситуации прошедшего находят отклик в будущем. Отвечая на ваш вопрос, скажу, что желаю себе, чтобы в моей жизни, сколько будет отпущено, мне хотелось переворачивать следующую страницу и чувствовать, что продолжение следует.

На фото: обложка книги Аллы Цыбульской; Во время выступления. Слева направо - Борис Фогель и Алла Цыбульская.

Рахель Гедрич > ЛИЧНОСТЬ

<http://www.krugozormagazine.com/show/article.2534.html>